

НЕЗАБУДКИ

В одно дыхание с судьбой (В. Филимонов)	3
Моим дорогим читателям	5
ОКОЛЬЦОВАННЫЕ ПТИЦЫ. Венки сонетов	6
Учитесь стариться	6
У черного квадрата	13
Я так пожить еще хочу	20
О ЧУВСТВАХ СВОИХ РАССКАЖУ	27
Смешанным бракам	27
Златоустовская осень	28
Расставание	32
Горсад	33
Разговор	34
Я МЫСЛЯМИ ПОСТИГНУ ЭТОТ МИР	35
Не перечислить деревень	36
Девочка из детства	37
Баллада о сыне	37
Житейская история	38
Туман	40
Родня	40
Ожидание	41
Закат	42
Пастьба	42
Пожар 2004 года	43
2001 год	43
ПРИРОДЕ – РОДНОМУ ДОМУ	45
Весна	45
Таинственные создания	45
Заморозок	47
Зима	48
Первый снег	49
Слепой дождь	50
Тихая охота	50
Иней	51
ПОСВЯЩЕНИЯ	52
САМОЕ ВАЖНОЕ	58
Любовь	58
Природа	58
Родина	59

О Л Ь Г А Д Р У Ж К О В А

НЕЗАБУДКИ

СТИХИ

Курган
2008

ББК 84 (2Рос=Рус)6–5
Д 20

Издательское объединение
Курганской областной писательской организации
и центра «Отклик»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В. Ф. Потанин, член Высшего творческого Совета Союза писателей России; И. П. Яган, секретарь Правления Союза писателей России; Г. А. Травников, народный художник России; В. И. Филимонов, ответственный секретарь Курганской областной писательской организации; Л. Я. Витебский, директор центра «Отклик».

Дружкова Ольга Алексеевна.
Д 20 Незабудки. Стихи. Курган, 2008. – 64 с.

Автор благодарит земляков-уфимцев Наталью Швецову, супругов Татьяну и Сергея Горох за поддержку и финансовую помощь в издании книги.

© О. Дружкова, 2008.

ISBN

Я верю – скоро лес мой оживет,
Его весной разбудят пеньем птицы,
Печаль с надеждой рядышком живет,
Коль ничего уже не повторится.

Весною разлетится теплый дождь
На тысячу блистательных зеркал,
И ты нас всех, мой лес, переживешь,
Тех, кто любил, и тех, кто обижал.

Родина

Нет, Родина не просто – герб и флаг!
Когда пшеничным полем я шагаю –
Становится тогда чеканным шаг,
А голову я выше поднимаю!

Мне Родина не цирк, не балаган,
Где предано святое осмеяно,
Здесь птичье пенье, словно гимн богам,
И твоему, Отечество, сиянию.

Здесь о тебе колокола звонят,
Макушками братаются березы,
Глазами кроткими слепых щенят
В ботинки тычутся «кукушки слезы».

Здесь незабудки шелком бирюзы -
Глазами внучки сердце расшивают,
А молнии кустистые грозы
Своею красотой не ослепляют.

Мне дороги здесь даже бурьяны!
Мороза дым затяжками глотаю,
Не знаю горше и бедней страны,
И слаще Родины я ничего не знаю.

Нет, Родина не только герб и флаг,
Я знаю это! Думаю я так!

САМОЕ ВАЖНОЕ

Любовь

Садится солнце за рекою,
Горит березка на юру,
Когда расстались мы с тобою,
Я думала – ну, все, умру.

Зачем ты звал меня любимой,
Цветы охапками носил,
Зачем, когда цвела калина
Моей руки ты попросил...

Нам думалось, что счастье вечно,
Над ним ни капли не тряслись,
Зачем, зачем же так беспечно
К своей любви мы отнеслись?

Поверь, мне тоже одиноко
Встречать рассвет, глядеть в закат,
Причин расстаться было много,
Теперь пойми, кто виноват.

Но только вдруг однажды сердце
Вздохнет надеждою в груди,
Весну ты встретить не надейся,
Но знай, что лето впереди...

Природа

Стоит мой лес весь в зимнем серебре,
Здесь просто царство сонное красавиц,
Мой лес, я так завидую тебе,
На этот снег моя похожа зависть.

Сквозь пальцы дни бегут словно вода,
Тебя, мой лес, не тронет жало вьюги,
В опилки режут небо провода,
Встает рассвет багровый от натуги.

В ОДНО ДЫХАНИЕ С СУДЬБОЙ

Второй раз и с не меньшим удовольствием представляю на суд читателей очередную книгу зауральского автора – Ольги Алексеевны Дружковой. Давайте вместе внимательней и с добрым сердцем прочтем ее стихи, оценим с точки зрения выражения чувств, переживаемых автором, глубине и силе затрагиваемых тем.

Вставало солнце робкое
На лучиках дрожа,
Ползло по небу топкому
Похоже на ежа.
А по тропинке быстренько
Катил колючий ком
В своих колючках рыженьких
Веселым двойником.
А я смотрела, не дыша,
На этих милых двойняшат!

Природа... Она доминирует в стихах Ольги Дружковой, предстая перед нами в новом, первозданном виде.

Карниз с завалинкой сшивая,
Капель иглою замелькала...

Рожденная природой, живущая в ней, тонко чувствующая ее состояние и образно ее превозносящая, автор приходит интуитивно к таким стихотворным выражениям, что впору только ахнуть и восхищаться. Калина у нее красная, потому что «температурит», снег может расцвести и пробираться «в загон по коровьему следу», а белый куст сирени превращается в лошадь с пенной гривой. Походы за грибами и ягодами, нежное (а иначе и не сказать) отношение к окружающему миру и животным, любимым и близким людям, шуточное возведение себя в царицы леса вкупе с предложением коровушкам «сжевать все невзгоды и заботы» – эти яркие выражения дают возможность оценить творчество Ольги Дружковой, как достойные произведения поэтического искусства, а ее саму – как самобытную и поистине народную сказительницу.

Важно отметить и тот факт, что творчество ее разностороннее, форма стиха разнообразная, а поэтический голос крепчает от стихотворения к стихотворению. Так, как пишет она, даже при желании скопировать невозможно. А это и есть настоящая поэзия - поэзия духа и обостренного восприятия обыденности. И доказательством тому – высшее проявление поэтического мастерства – Венок Сонетов, да не о ком-нибудь, а о простых деревенских стариках и их нелегких судьбах. Это, пожалуй, на сегодняшний день – вершина творчества Ольги Дружковой.

Глубокая взволнованность и человечность «Житейской истории», переживание за автора в стихотворении «Расставание», огорчение вместе с ней за проданный родительский дом, радостное удовлетворение от родившихся из жизненной мудрости слов «Жар-Птице «цыпа-цыпа» не кричат...» - еще одно подтверждение, что перед нами зрелый и готовый явить миру свои стихи необычный автор.

«2001 год» - своеобразный гимн, благодарность защитнику Отчизны... Какие бы злые силы ни старались уронить честь армии, это стихотворение являет собой точный ответ и истинное отношение народа к своим Вооруженным Силам, понимающего до глубины души всю тяжесть и значимость воинского труда. Неспроста автор заканчивает свою книгу словами:

Нет, Родина не просто – Герб и флаг!
Когда пшеничным полем я шагаю –
Становится тогда чеканным шаг,
А голову я выше поднимаю!

Именно отсюда, с пшеничных полей и ягодных полян, от корзиночек с груздями и мордочки шаловливого теленка, из недр многострадальной земли русской пришли к нам стихи Ольги Дружковой. А потому возблагодарим ее за неустанное творчество и заразимся ее уверенностью в завтрашнем дне. Она упрямо идет к этой цели...

Владимир Филимонов,
член Союза писателей России

Пустой. В чулане голодал,
Забыл, как нас всех ревновал?
Теперь доволен он судьбой,
Что разлучил меня с тобой.

Вернешься, жадный чемодан –
Старьевщику тебя отдам.
Вернешься...
Знаешь, я возьму
Тебя и...крепко обниму!

Наташе Швецовой

Ко мне наехало гостей
Из всех соседних волостей,
Лишь на три ночи и три дня
Слетелась вся моя родня –

Попеть, поплакать погулять,
Но, в основном, повспоминать.
И вот мы с трепетом сердец
Открыли памяти ларец.

Коснулись матери, отца,
И будто трое из ларца,
Как близнецы, что глаз, что бровь:
Печаль, разлука и любовь.

Мы не гадали, что нас ждет,
Жалели тех, кто не придет,
И доставали без конца
Мы самоцветы из ларца.

И, сдерживая плач с трудом,
Смотрели Памяти альбом,

А за окошком, как всегда,
Мигала мамина звезда.

Ксюше

Звезды в вышине
Золотою крошкой.
Прислонись ко мне
И поплачь немножко.

Кольцами в судьбе
Счастья орбиты.
Не носи в себе
Горе и обиды.

Лучше расскажи
Про коварства выпад,
Посидим в тиши
И поищем выход.

Верю и не зря:
Отразишь злой натиск.
Я люблю тебя –
Стойкий мой солдатик.

Елене Песчаной

Чемодан из Германии

Ты здесь сидел, а тут курил,
А здесь ты что-то мастерил,
Вот тут меня к себе прижал,
Ты все пространство занимал.

В углу расправленный диван,
Где след любимой головы...
По темнотушке чемодан
Ушел считать свои углы.

И сердце, как щенок, скулит.
А тебя поезд мчит и мчит
По разным весям, городам –
И с полки смотрит чемодан.

МОИМ ДОРОГИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Ты держишь в руках мою новую книжку. Она – посвящение светлой памяти моих родителей, безвременно ушедших братьев, родных и друзей, и просто знакомых. Каждый день и не по разу память возвращает меня в прошлое. Я вспоминаю их, ушедших дорогих, и загадываю желание.

Когда б волшебница пришла,
я у нее бы попросила:
«Перенеси в родимый сад
с его живительной силой».
Когда б попала я в тот сад,
то очутилась у калитки,
там, где на яблоне висят
холодных росных яблок слитки.
Судьба.., судьба.., моя судьба –
твои шаги легки и святы.
Ты видишь, Жизнь, я перешла
пороги, кручи, перекаты!..
Катись же, яблочко, катись
в моей ладони, как на блюде,
былое времечко вернись,
дай мне от счастья захлебнуться.
Дай мне возможность хоть на миг
увидеть жизни панораму,
спросить прощенья у родных,
обнять и нежно гладить маму.
Когда б волшебницу нашла,
мы с ней тогда б договорились:
«Пусть там, где я когда-то шла,
чтоб незабудки распустились».
Судьба...судьба...моя судьба,
твои шаги легки и споры,
живу и чувствую тебя
любою клеткой, каждой порой...

Хочу, чтобы мои «Незабудки»
попали в добрые руки друзей».

Ваша Ольга Дружкова

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ ПТИЦЫ

Если я буду перечислять поименно всех ушедших дорогих мне стариков, список получится гораздо длиннее венка сонетов, а ведь столько же (дай Бог) их живет и ныне здравствует. Вам, мои дорогие старики я посвящаю эти стихи под названием

УЧИТЕСЬ СТАРИТЬСЯ

I

Я к старикам пришла уже под вечер.
Гудел залетным шмелем медный самовар,
Стелился хлебный дух и банный пар,
Тепло от утром истопленной печи.
Вот говорят: «Беседа душу лечит
В ней, заливая горе, муку, как пожар...»
И у моих друзей был этот божий дар,
А больше им делиться было нечем.

И всякий шел, у них участия просил,
Последний шанс, что ложка для обеда.
Меня ж недавно в основанье моих крыл
Осколком ранила твоя Победа.
В избе текла лечебная беседа,
За окнами, в саду, дождь тихо моросил.

II

За окнами, в саду, дождь тихо моросил.
Тень тайны над седыми головами
Кружила, и в беседе между нами
Была доверенность души и сердца пыл.

Еще чаёк свое спокойствие вносил,
Вспотели окна чистыми слезами,
Пирог притих на противне слоями,
Заварничек то ль пел, то ль жалобно куксил...

Кроваво пламенело в блюде лечо,
Картину прошлого толпились за спиной,

В. Кузьмину и Крису Ри

Встал, сурово брови сдвинул,
Струн коснулся, пощипал.
И потом, ка...а...ак пальцы кинул,
И пошел весенний пал.

Тут такой мажор начался –
Взмок ремень через плечо.
Под ногами пол качался,
Сердцу стало горячо.

Раз – срубил аккорд сознания,
И осел без чувства зал,
Как комочек мироздания,
На струне затрепетал.

Он же, будто бы несмело,
Души заперебирал,
В зале кто-то то и дело
Непрерывно умирал.

Александр Дружкову

*Aut Cesar.
Aut nemo.
(Или Цезарь,
или никто)*

Давно мне отонравились орлы,
Не Цезарь ты и не герой романа,
Но ты надежнее любой скалы,
Ты – человек совсем другого плана.

Ты самый человечный человек,
И мне с тобой спокойно и надежно.
Господь, прошу – продли совместный век
И вместе дай уйти нам, если можно.

Р. А.

Не жила я, признаться,
Ни минуты свободно,
То урывками – счастье,
То по горю – убрдно.

Вот и сад доцветает,
Облетают листочки,
Это август вскипает
У критической точки.

А душа ласки просит,
Перед стужей робеет,
Ведь пришедшая осень,
Пламенея, не греет.

И внутри ком холодный
Наливается болью.
Разве будешь свободной
С безответной любовью?

Борису Новикову

На кладбище споткнутся тропы
О комья вынутой земли,
Ушли в туманы рудокопы,
На веки вечные ушли.

И как бы жизнь я ни любила –
Придет пора идти домой...
И я здесь место застолбила.
Здесь скоро будет прииск мой.

Промаркируют мой участок,
Оградой тесной обнесут,
И на венках обрывки счастья
Цветами горя отцветут.

Такими были мудрыми все речи,
И утихал в моей душе тоски прибой,
И обходили все несчастья стороной –
Мы были несказанно рады встрече.

III
Мы были несказанно рады встрече,
И, сидя рядом за обеденным столом,
Мы говорили и об этом, и о том,
Кружилось прошлое, как птица-кряклет.

Неважно то, что чет ли это, нечет –
Не вспоминали только об одном,
Которое стояло, молча, за углом,
Маячило, как призрак, недалече.

Не помню, кто-то очень мудрый говорил,
Что старости, мол, надобно учиться.
Он, верно, тайну эту знал и жизнь творил,
А то ведь без следа так можно раствориться,
Потом ищи-свищи, все завертится
Так, что пересказать не хватит слов и сил.

IV
Так, что пересказать не хватит слов и сил.
Простую жизнь простого человека
Не баловала Богова опека,
И Бог ему грехов ни разу не скостил.

А кто из нас, порой, о прошлом не грустил?
Пусть в памяти лесоповал, засека,
И пусть начало жизни - праздник века,
Резон, чтоб тормоз в старости не отпустил.

Не терпит дух оправы и огранки.
И старики мои просты, как лебеда,
И попросту врачуют язвы, ранки,
Привыкли ко всему, им горе не беда,
Возьмут тайком несчастье - спрячут навсегда
И, будто лето, закатают в банки.

V
И, будто лето, закатают в банки
Закаты и восходы, росы и туман,
И правду горькую, и сладость лжи, обман -
Все приспособят, спрячут эти бабки.

В глазах их ласка ягодной делянки,
И к должникам привык уж нищенский карман,
Всегда до слез бразильский трогает роман,
И до сих пор с надрывом тянут санки.

Наивные и просто милые слепцы,
Порой хулят и власти, и порядки,
Порой, как кладезь знаний – вовсе мудрецы,
Не знают отдыха себе, разрядки,
В не урожайный год у них на грядке
Томаты тужатся, бледнеют огурцы.

VI
Томаты тужатся, бледнеют огурцы,
(Как их от заморозков охраняли!),
Юнцами целину свою подняли
И гнезда строили, и были в них птенцы!

Теперь давно седые. Как и их отцы,
Осели здесь и приросли корнями,
Живая связь времен и связь меж нами –
Обычной жизни необычные творцы.

Случалось место также перебранкам,
Но повсеместно ум крестьянский побеждал,
За будущим не шли они к цыганкам,
Но, когда ветер новой жизни пробежал,
И август жалил роем в сотню тысяч жал –
Строгала осень золото рубанком...

VII
Строгала осень золото рубанком...
Поднявши к небу рук корявые сучки,
Наивничали с капиталом старички,
Поддавшись и посулам, и приманкам.

Мой люд не втиснуть в рамки оды –
Сплошь одуванчики и лопухи.
Резон, как от изжоги соды,
Крапивы б больше напихать в стихи.

Пусть подождут элегия и ода,
И зацветут еще в судьбе моей,
Я плоть от плоти моего народа,
И будет все у нас, как у людей.

М. Цветаевой

Когда жила я через «не могу»,
А жизнь опять кусала и пинала,
Я вглядывалась в ледяную мглу,
Выискивая контуры вокзала.

Билеты там всегда в один конец,
Там, как ручной багаж, выносят тело.
«Финита ля комедия», - венец
Веревкою затягивает смело.

Кто заглянул за этот беспредел,
Кто для себя увидел точку эту,
Кто хоть однажды жить не захотел –
Тот знает цену этому билету.

Николаю Рубцову

Не сразу и не вдруг, не вопреки
Забил родник слезы в моей строке:
Читаю Ваши умные стихи
И правлю душу, как на оселке!

ПОСВЯЩЕНИЯ

А.С. Пушкину

Блажен из нас, кто познает
И радость чтения, и муки,
Ведь воля гения берет
В свои прекраснейшие руки
Не ум развратный сводкой скорой,
Не сонм озвученных цитат –
А душу теплую, которой
Так русский человек богат!

Сергею Есенину

Пережить, перебороть сивушный бред,
Ложь, предательство и боль потери...
Кто сказал: «В конце тоннеля будет свет...»
Нет, его задуло в «Англетере».

А. Ахматовой

*Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей,
По мне в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.*

Анна Ахматова

Споткнусь, а случай на подхвате
То знаками, то криками вестей,
Бывает кстати и некстати,
А, впрочем, так же, как у всех людей.

А мне не помешала б, кстати,
И эта элегическая вязь,
Петрарки вкус сонетной страсти,
А то в стихах одна людская грязь!

Бродила дурь по весям и полянкам,
И хоть переживали очень старички,
Глаза на все глядеть привыкли сквозь очки -
«Досталось» горожанкам и селянкам!

Когда-то сплошь все желторотые юнцы –
Порой наивные, порою жестки
Звенели серебром, как в поле бубенцы,
Оставив позади все перекрестки.
А у крыльца румянились березки,
Летели стружками листы во все концы.

VIII

Летели стружками листы во все концы,
Была большой деревней вся страна им,
Ко многим так и не вернулся заем,
Зато прошлись беды железные зубцы.

Большой страны народ: ваятели, певцы,
Давайте старость на века прославим!
Хотите, точки все над «i» поставим
И водрузим из роз на седину венцы.

Не под гребенку и зеленый веник,
Но старым людям уважение, почет!
Любите, относитесь к ним с почтеньем,
Ведь это все вернется к вам на тот же счет,
Когда-то жизнь предъявит вам и свой расчет.
Мне дорог быт российских деревенок.

IX

Мне дорог быт российских деревенок:
Там память детства до сих пор еще живет,
Там желтый донник волнами колышет мед
Там трудолюбия огромный муравейник.
Крыльцо из теплых, струганных ступенек
Опять в родимый дом, как прежде, приведет,
И память вновь растопит сердца лед,
И включится, как старый, добрый «телек».
Вот только малость поубавить бы питья,
Ведь зарастают все поля за пьянством,

Все чаще-чаще ставится на стол кутья.
Лбы бьем себе с завидным постоянством,
Все ж воцарит над всем твоим пространством
Степенность духа, и размеренность житья.

Х
Степенность духа, и размеренность житья -
Как хочется, чтоб Русь на них стояла,
Чтоб с каждым годом краше расцветала,
А мы послужим ей, живот свой не щадя.

Пусть бесятся себе заморские дядья,
Рвут-тянут одеяло капитала,
Пусть олигархи стырили немало,
Но держит курс пока Руси моей ладья.

Спасибо старикам от поколений,
(В грядущем, знаю, нелегко придется им),
И все ж они не встанут на колени.
Спасибо Вам, навек ушедшим, дорогим,
Мы помним Вас всегда - всегда скорбим и чтим,
Любви все это стоит, а не денег.

ХI
Любви все это стоит, а не денег.
И все же не мешало бы им так пожить,
Чтобы о деньгах-то не очень уж тужить,
Дожить и проводить свой понедельник.

Чтоб жирный гусь на каждый их сочельник
Смог крылышки свои на яблоки сложить,
Неужто не смогли все это заслужить?
Кто-кто, ну, а народ-то не бездельник!

Должна в законе быть особая статья:
Чтоб осень человечества украсить -
Расчистить надо дно родимого ручья.
Их можно обмануть и отдубасить,
Все карты раскроить и перекрасить,
Но эти люди были цельного литья.

Прочь, прочь непрошенная грусть!
Смотри, вон сдвинуты хвоинки –
Под ними точно лезет груздь!
А бусенец трусит дождем,
Здесь очень важно не спешить.
Здесь надо именным ножом,
Чтобы грибнице не вредить.
Как славно! Тихая охота!
И свинойкам всем назло
Мы принесли из-за болота
Груздей по...ол...нэ...хонько ведро!

Иней

Условно, скоро, как в наброске,
Но цвет о силе говорит –
Сегодня иней в Кособродске
Невообразимое творит!
Как будто небо взбил он пенно,
И пена кружевом висит
Надежно, цело и нетленно.
Но сколь продлится тот визит?
Ведь в этом царстве мощи мнимой
Кругом вода в кристаллах льда.
Подумалось: «Что – жизнь? Как иней,
Была и делась в никуда».
Пусть даже в хрупкости сквозила
Оцепененья тишина,
На вид непробивная сила,
Как в царстве векового сна –
Но нам и в нашем непокое
Ведь мнится мощь в процентах ста,
Но глянет солнце, пусть слепое –
И так закапает в кустах!

Слепой дождь

По-бабы, горестно и длинно,
Омытая слепым дождем,
В саду заплакала рябина.
О чем заплакала, о чем?
И на глазах седыми стали
Ее кудряшки за окном.
Тебя на службу провожали,
Гудел от слез и песен дом.
Цвела без удержу рябина,
Она вот только расцвела,
И по камням, по суглинку
К нам в гости дождик привела.

А тут все разом замолчали,
Пошире окна растворив,
Будто давно и долго ждали
Такой «внеплановый» полив.
У каждого была причина
Глотать ту дождевую пыль,
И только тонкая рябина
Была дождю, как поводырь.
А мы сидели и глядели,
И каждый думал о своем,
Как будто разом все прозрели,
Умытые слепым дождем.
Зачем ты плакала, рябина?
О чем ты плакала, о чем?

Тихая охота

Ну, вот и все! И осень снова!
А листья все летят, летят,
У нас теперь в бору сосновом
Опять начался «иглопад».
По миллиметру их уложит,
Не как-нибудь, а все подряд,
И отфильтрованные лужи,
Как в желтых блюдечках, стоят.
Из клетки вынуты корзинки,

XII

Но эти люди были цельного литья
От нас уходят деды дорогие,
Мы все какие-то совсем другие,
Беспечнее намного, ну, да Бог – судья!
Устала я уже от всякого нытья,
Года летят, как кони вороные,
И некому поплакаться отныне,
Все меньше стариков, и счет - ничья.

Простые бабки и степенные мужья –
Не раз ходила к ним я за советом,
Но год от года тяжелей печаль моя
Их нет, и сожалею я об этом,

Они мне были путеводным светом
В них столько мудрости, любви, тепла, чутья!

XIII

В них столько мудрости, любви, тепла, чутья!
На сердце раны с рваными краями,
И сроду не мечтали о Майями,
Оглохшие совсем от дикого вытья.

Они служили долго грушей для битья
Для тех, кто был с бесстыжими глазами,
Кто старых доживать оставил в яме
Где флагов попранных, как старого тряпья.

Мой друг, собрат, сосед, мой современник!
И ты навек запомни предков имена,
Когда кипит страстей большой сотейник,
Когда гудит, бурлит огромная страна,
Потомкам в будущее шлются письма, –
А им не страшно даже время-мельник.

XIV

А им не страшно даже время-мельник –
Мои хорошие, седые старики.
Кто мне теперь протянет две своих руки?
Никто, ничто на свете не изменит!

Кто явится, как добрый коробейник?
И пусть ветра надежд упрямы и туги,
А вокруг меня соратники, а не враги,
Но бурно разрастается репейник...

И тот, кто жив остался в этой сече –
Он дорог мне до слез сединами вдвойне,
Я к ним за помощью иду, как люд – на вече,
Но только жалко и обидно очень мне
Что шла на ощупь, шла босая по стерне –
Я к старикам пришла уже под вечер.

XV

Я к старикам пришла уже под вечер,
За окнами, в саду, дождь тихо моросил,
Мы были несказанно рады встрече
Так, что пересказать не хватит слов и сил.

И будто лето закатали в банки,
Томаты тужатся, бледнеют огурцы.
Строгала осень золото рубанком,
Летели стружками листы во все концы.

Мне дорог быт российских деревенек,
Степенность духа и размеренность житья
Любви все это стоит, а не денег!
Но это люди были цельного литья!
В них столько мудрости, любви, тепла, чутья!
И им не страшно даже время-мельник.

Изо дня в день старается
Убранство обновить,
Чтоб статус свой красавицы
В народе подтвердить.
Умается, сердешная, –
Давай в кулак зевать,
Умчит в места нездешние
В покои отдыхать.
Но выложит на крученьку
Из горсти изумруд,
На горушку, под тученьку,
Где самоцветы жгут.
И изумруды травушкой
Потоком хлынут с гор,
Зиме на смену Павушкой
Весна сойдет в простор!

Первый снег

Первый снег подтаявший –
Ждать-пождать мороз,
И, совсем отчаявшись,
Он в лесок заполз.
Опустевшим колком
В праздник ноябрю
Протащили волоком
Алую зарю.
Где она цеплялася
Плотью за кусты –
Там лежать остались
Алые цветы.
Лишь березы с озимью
Помнят по весне,
Как однажды осенью
Расцветает снег.

Была потом капель из слез:
Однажды бал угас по утру,
И солнце растопило пудру,
И так закапало с берез!
В брильянтах нынешних балов
У нуворишей и их сброда
Есть слезы нищего народа,
Но уже ясно и без слов,
Что все на свете быстротечно,
Балы, вельможи далеки,
Столпотворенье у Реки,
Народ и Родина – навечно.

В час, когда лилия цветет,
Когда собака не пролает –
Заря застенчиво идет,
Идет и мрака цвет ломает.
А как уж ночь была темна!
Такая, знаете ли, сила...
Прелестница, как ни скромна,
Всех своей лаской разбудила.
И верю я, придет тот День –
Тьма истребится человеком,
И древо Зла иструхнет в пень,
Прошитый молодым побегом.

Зима

Сидит зима на крученьке,
Взошла на трон, сидит,
На левой ее рученьке
Горит alexandrit.
Сидит зима на крученьке,
Метель-пурга метут,
На правой ее рученьке
Сверкает изумруд.
Роскошно ее платье,
Богат ее наряд,
Все серебро да платина
На солнышке горят.

У ЧЁРНОГО КВАДРАТА

I
Где запад закат разжигал,
Дырою зияло кострище,
Душа, пропоров себе днище,
Искала надежный причал.

У речки дергач прокричал,
Туман представлял пепелище,
Ивняк, изогнув удилище,
Серебряный месяц поймал.

Все было, как встарь, как когда-то,
Но этого стало мне мало:
Ужель наступила расплата?
Горела звезда вполнакала,
Но вот и надежда пропала –
Сгорела небесная плата.

II
Сгорела небесная плата
С нуля и до точки конца.
Не вымолить грех у Отца,
Коль ты накопил компромата,

Душа это – нерв, а не вата.
Куёт полукружья кольца
Она с мастерством кузнеца
Печали. Она ль виновата?

На шаре мне стало покато!
Да что ты?! – Дела есть дела –
Доносится шум переката,
Я рвусь, закусив удила,
Душа обмерла, умерла,
Осталась полоской заката.

III

Осталась полоской заката
О, мама! Улыбка твоя.
Погасло сияние дня,
Но нежно звучала соната.

Луна ж выбивала стаккато,
Давнишнюю зависть храня,
Она испытала меня
Трагической гибелью брата.

Ты нас на кого променял?
Оттуда с заоблачной дали
Ко мне дотянулся сигнал:
Все свечи, сгорая, мигали,
Мы все-то с тобой понимали,
И грянул цикадный хорал.

IV

И грянул цикадный хорал:
«Кого-то нет, кого-то жаль...»
Зачем открылась ложь и даль?
Когда-то кончится тот бал,

Который Жизнью Бог назвал?
Кому Сибирь, кому Версаль,
Тому-то крест, тому медаль,
Ольге Курган, тебе Ямал.

Но спрятала ночь свой оскал,
Гудела медовая липа,
А месяц пыльцой посыпал,
Без вздоха и плача, и всхлипа
Закат свои звезды рассыпал.
Померкнул пурпурный накал...

V

Померкнул пурпурный накал.
Случилось не так, как хотела,
А так, как Судьба повелела,
И так, как Господь начертал.

Всякий стряхивая след,
Спать отправилась тропа,
И крошился первый снег,
Мелкий-мелкий, как крупа.
Две березки у ворот –
Зябких белых две ноги,
Снежный пробовали брод
В этом месиве пурги.

Стоит подсолнух на ноге,
Он вырос летом на гряде,
Стоит, и всем любитесь,
На ярком солнце жмурится.
И утром ранним, и в обед
Он будто солнышка ответ,
И вслед за солнцем здорово
Весь день он крутит голову.
В глазах подсолнуха рябит –
Ведь он на солнышко глядит.
А, может, смотрит солнышко
Весь день в глаза подсолнушка?

Заморозок

Балы, вельможи далеки,
А было блеску, власти было!
Но время, время уложило
В сундук эпохи парики.
Тысячелетия – труха...
Но нынче, будто в тронном зале,
У речки в париках стояли
Березы, сосны и ольха.
Переполох был просто жуть:
Все нарядились, как умели,
Березы пудры не жалели,
А вербы пудрились чуть-чуть.
Агат, сапфиры, бирюза
В лучах на солнышке зардели,
Алмазы на ветвях блестели –
И ослепило вдруг глаза.

Мороз и тишь. Чернеет тень.
И скрип простуженных сапог.
В саду засыпало сирень,
Еще б немного – вышел стог.
Дома закрыты на засов,
Как на замочек чемодан,
И будоражит лень домов
Веселый месяц-гулеван.

Когда туманы станут сизыми,
А холод землю ознобит,
Когда зима идет с капризами
И дышит с призрачных орбит –

Тогда мне чаще вспоминается...
Душа подводит свой итог.
Идет зима и снег качается
Завесой будущих тревог.

Дай, Боже, силы образумиться
И пусть пройдет моя хандра.
Свой лисий хвост, поджав, по улице
Трусит осенняя пора.

За старым пряслем, где родник,
К воде губами куст приник,
Пылает жаркая калина,
Температурит, сразу видно.
Ядреных ягод полон рот,
И их в ознобе дробно бьет,
Она пунцовым ртом смеется,
То руки вскинет, то нагнется.
И у меня сомненья нет,
Что начался осенний бред,
А я гляжу и мне завидно:
Я не любила так. Обидно.
Чем неожиданней мороз,
Тем слаще ягод красный морс.

Да кто ж этот бал заказал?
Ведь Жизнь, как Весна, пролетела.
И вот уже Осень поспела...
И яблоком Вечер упал.

И луга цветная заплата,
Которую ветер прошил
Серебряной нитью стократно,
Намокла – разбился кувшин.
Из облака сотней морщин
Земли остывала палата.

VI

Земли остывала палата
От холода наших сердец.
Ужели судьбою овец
Закончится к Богу регата?

Писалась немая кантата.
Ну, что ни правитель – мудрец!
И кто из нас был не пловец
На черных чернилах квадрата!

Вы, дети тусовки Арбата,
А я из далекой Сибири
Без прав, пропусков, без мандата.
Мы жизнь пробросали, как гири,
Но трещина шире и шире –
Так стало печально, ребята!

VII

Так стало печально, ребята,
С обрубленным горизонтом,
С Чечней и рассеянным фронтом,
Туманно и замысловато

Пусть жили порой не богато,
Разруху назвать «капремонтом»-
Заведомо мертвым ребенком –
У Горби, все было горбато!

Но кто ж урожай тот собрал?
Теперь не смешно, не печально.
Да тот, кто с трибуны соврал,
Задумав развал изначально,
Так властно и гласно, нахально,
Как будто бы мир умирал.

VIII

Как будто бы мир умирал,
На грани творенья зависши.
Идеи, как спелые вишни,
За пазуху рвал – собирал.

Ну, кто Вам такое соврал,
Что все из народа мы вышли?
Кто наши и деньги, и мысли
Себе заграбастал – собрал?

Кто нам собирался служить
Всем нациям, братствам, народам?
Дорогу в тот мир проложить
Маршруткам, такси, пароходам?
Назло всяким козням, невзгодам
Вдруг так захотелось пожить.

IX

Вдруг так захотелось пожить.
Но черный квадрат свои грани,
Как в детстве, подол бабы Мани
Поднял, чтоб собою укрыть.
Чего уж народ-то смешить!
Не пахнут трудом ваши money,
А впрочем, как сами, так сани,
Но нам ли об этом тужить?!

Нет места стенаньям и охам:
Найти силы выжить и жить,
Но двигаться бегом иль скоком,
Вернуться и снова кружить,
Когда-то себя одолжить
Мгновением важным, как вздохом.

ПРИРОДЕ – ДОМУ РОДНОМУ

Весна

Карниз с завалинкой шивая,
Капель иглою замелькала,
По моде, отыскав лекало,
Весна поет, холсты кромсая.
И лишь моя душа-портниха
Сложила праздно свои руки,
В тоске сжигает дни разлуки,
Не шьет, не порет – все ей лихо.

Всю ночь спешат туда-сюда
Сквозь Кособродск вдаль поезда.
Рассыплут стук широко, дробно,
Кричат, как празднуют победу.
А мне в кроватке и удобно,
И, кажется, куда-то еду.
А от сосны и до сосны
Блуждает эхо, ловит сны.

Таинственные создания

Дождь устал и собирался спать,
Месяц лодкой выплыл из-за тучи,
Лист осины бросил лопотать,
И ничто не предвещало бучи.
Получилось как-то все спонтанно –
Появилась однодневок рать.
Неужель десант с Альдебарана
Высадился лес завоевать?
Где на камышиную цигейку
Опускалось бабочек крыло,
Дождик в удивленьи вскинул лейку,
Полумесяц выронил весло.
А пока в себя все приходили,
Веки на мгновение смежив,
Бабочки почти уже не жили,
Все, что было в жизни пережив.

Ты прости меня, мальчик –
Не хватило здоровья,
Стоя плакала, молча
Не пила за героев,
До сердечной ломоты,
До опухших глаз красных,
За полки и за роты,
За безвинных несчастных –
Я наплакалась, милый,
За далеких и близких,
За безвестных могилки,
За кресты-обелиски.
В электричке парнишка,
В электричке парнишка,
В электричке парнишка
Мне он стал не чужой,
Третий тост – за погибших,
Третий тост – за погибших,
И поклон низкий-низкий
Всем, пришедшим домой.

«Минута мухою ползет!»...
Случалось ли с тобой такое,
Когда в душевном непокое
Вдруг слово пробкою всплывет?
Всплывет, я за него схвачусь,
Туда-сюда его примерю,
Но окончательно поверю,
Когда попробую на вкус.
Оно, оно! Мое – оно!
Вот так удача, вот везенье!
Быстрее его в стихотворенье,
Как раз пустое здесь окно!
И мечется тогда вопрос:
«И кто ж ко мне так благоволит?
Кто нужные слова футболист,
Какой за это будет спрос?»

X
Мгновением важным, как вздохом,
Терпения мне не занять.
Жизнь – мачеха, вовсе не мать:
Ее не осилить наскоком.

И, коль не считать то пороком,
То я научилась менять.
Не надо на это пенять,
Коль я написала о многом.

Не можем мы крылья сложить:
Растут уже дети и внуки,
И надо им судьбы вершить.
Нет места для лени и скуки
И будут натруженно руки
Последним своим дорожить,

XI
Последним своим дорожить:
Последним закатом, рассветом,
Ромашкой, воспетой поэтом –
Учились на ней ворожить.

Последний поклон положить,
Собравшись к далеким планетам,
В полете своем безракетном
Успеть еще сад заложить.

Считать это долгом, оброком,
Пусть он и растет, и цветет,
Пусть памятью станет в далеком,
Пусть сладостью время нальет,
(Господь от беды ответит),
На небо взроптать ненароком.

XII
На небо взроптать ненароком
Не раз мне, увы, приходилось,
Но где родилась - пригодилась.
Хоть краешком малым, хоть боком,

Как плод наливается соком,
Была я, жила и гордилась.
В расхристанность мира влюбилась,
Шагая знакомым проселком,

Себя отдавая дорогам,
Пила из ручьев и колодцев,
Бежала и лугом, и логом.
Не раз приходилось бороться,
Чтоб выжить и не напороться
На крест, что теперь уж под током.

XIII

На крест, что теперь уж под током.
Опять наступила гроза,
А Он приоткрыл вдруг глаза,
И хлынула ласка потоком.

Вглядитесь и сердцем, и оком,
За что Он тогда пострадал!
Пусть жизнь – это просто вокзал
С квадратами черными окон.

Осталось сонет мне сложить,
В душе не сусеки скрести!!!
Здесь душу – всю надо вложить...
Чтоб с честью венки доплести.
Сказать напоследок: «Прости», –
И тут же молебны служить.

XIV

И тут же молебны служить:
«Спасибо за счастье, Ярило,
Спасибо за все, все, что было».
Венок свой к ногам положить

И снова прощенья молить:
«Нет, сердце мое не остыло,
Когда стало пошло, постыло,
И волком хотелось завывать.

Пожар 2004 года

*Погибшим и выжившим жителям
поселка Чаши Каргапольского района*

Пришедший шквал издалека
Мостил из дыма высь ступени,
Там в гневных складках потолка
Метались огненные тени.
Их взглядом провожая в дальний путь,
Чтоб навзничь не упасть – я на колени,
Надеясь, что на небе кто-нибудь
Услышит наши вопли и моления.
Я поняла, как жизнь, порой, хрупка,
А жажда жизни не испепелима,
Но долго буду путать облака
С клубами поднимавшегося дыма.
И в час, когда туман гоним
На солнце розово зашает,
Я буду думать: «Снова дым
На нашу улицу вползает!»
В заре увижу я огонь
И гибель в сполохах зарницы.
Мне троепалая ладонь
Теперь до гроба будет сниться.

2001 год

Новогоднее чудо
не имеет примера –
Смех и радость повсюду,
Торжества атмосфера,
В электричке парнишка,
В электричке парнишка,
В электричке парнишка
Все наказывал мне:
Третий тост – за погибших,
Третий тост – за погибших,
Третий тост – за погибших
На проклятой войне.

Закат

Я дом построю с видом на закат,
Смиренно стану старости учиться:
Ведь каждый вечер будет прилетать
Ко мне туда печальная Жар-Птица!

Ей припасу я зёрна дней моих,
Начну молить слететь на подоконник
И, расплескав по окнам алый блик,
Она спорхнет на теплые ладони.

Жар-Птице «цыпа-цыпа» не кричат,
Еще не знаю, как с нею водиться...
Я дом поставлю с видом на закат
И буду в нем тихонечко молиться

Пастьба

Я сижу в палате тронной,
Возле самых моих ног
На муравушке зеленой
Деревенский табунок.
Нашим лесом в летних росах,
Как святыней дорожу,
Суковатый вербный посох,
Словно скипетр держу.
Ем со вкусом, пью со сладью,
Чтоб шагалось налегке
И своей державной властью
Хлеб держу в другой руке.
Вёдро! Это ль не награда!
Гнуса нет и благодать.
Ни...че...го...шеньки не надо
Мне о будущем гадать.
Все предельно просто, что ты!
Тишина, покой, уют...
А невзгоды и заботы
Пусть коровушки сжуют.

Мой Ангел мне так помогал:
Слова находил мне и краски».

И день широко зашагал
Без тени боязни, огласки
Туда, где Поэты и сказки,
Где запад закат разжигал.

XV

Где запад закат разжигал,
Сгорела небесная плата,
Осталась полоской заката,
И грянул цикадный хорал,

Померкнул пурпурный накал,
Земли остывала палата.
Так стало печально, ребята,
Как будто бы мир умирал,

Вдруг так захотелось пожить
Мгновением важным, как вздохом,
Последним своим дорожить,
На небо взроптать ненароком,
На крест, что теперь уж под током,
И тут же молебен служить.

Я ТАК ПОЖИТЬ ЕЩЕ ХОЧУ

I
Не трогайте меня, не надо!
Я и сама в оцепененье.
Мгновение крушит мгновенье,
Это – процесс полураспада.

Здесь саркофаг уж не преграда:
Неспешно, нежно, без мученья
Касанье гамма-излученья.
Потеря? Может быть, награда.

Вовсю идет работа на износ.
Как шмель, в душе моей волненье
Замрет и упадет на медонос.
И вот уже лежит стихотворенье
Шкалой высокого давленья
В ответ мне на незаданный вопрос.

II
В ответ мне на незаданный вопрос
Войдет неспешно теплый вечер
И, как котенок возле печи,
Душа сама в себя запрячет нос.

Ей позавидует безродный пес.
Мы лижемся (заняться нечем),
Мы чистотою душу лечим,
Глядим в окошко на закатный плес.

Там, за безликостью фасада,
Пытливый, дерзкий ум живет,
Прядет рассказ Шехерезада,
Из страха, из отчаянья плетет,
Со сказкою в бессмертие идет
Аллеями загадочного сада.

Былое вспять не повернуть
И не забыть, не зачеркнуть,
Да, можно дом назад купить,
Но снова жизнь не повторить.

Всего-то было в доме том...
Когда же мы осиротели,
Он окружил, согрел теплом,
Мы ж бросили его и улетели.

Мне часто снится, что иду,
Что наконец-то возвращаюсь
К горбатым яблонькам в саду
И над колодцем наклоняюсь.

Что вновь засветятся огни,
И это будет только нам,
За то, чтобы вернуть те дни
Я по частям себя отдам.

Былого вспять не повернуть
И не забыть, не зачеркнуть,
Былое в памяти живет.
А, может, дом нас все же ждет?

Ожидание

Кто-то за окошком бродит...
Чу, опять тревожит ставни,
По бревну рукою водит,
Крышу трогает губами.

За окошком кто-то плачет,
Плачет – горько причитает,
До утра далёко, значит,
Все молитвы дочитает.

Выйду в темь, раз кто-то хочет.
Никого! В ночи бездонной
Только от руки отскочит
Ветерок, как пес бездомный.

Но, если вдруг в далекий путь
Уйду внезапно на рассвете,
Тогда помолятся уж пусть
Родные дети! Мои дети!
Пусть не внезапно, среди дня –
Решенью Бога покоритесь,
Молитесь только за меня,
Мои хорошие, молитесь!

Туман

Глядела, глядела, глядела – напрасно,
Исчез наш поселок по самое прясло,
В тумане исчез, отвязался, как плот,
И с кем-то куда-то зачем-то плывет.
Плывут невидимки, а мне не обидно –
С плота меня тоже кому-то не видно.
Порою, мы в жизнь напускаем тумана.
Невидимы! – мним мы, но это обманно.

Родня

У моей соседки нет детей
Ни больших уже, да и ни маленьких,
Никакой родни. Всего родней
Ей не очень близкие племянники.
И она их дружбой дорожит
Ведь не от давленья нестабильного,
Перед одиночеством дрожит,
Как от холодочка замогильного.

Не оставив ничего себе,
Отдает им всю свою любовь,
Пятая вода на киселе,
А смотри-ка ты, родная кровь!

Давно родителей уж нет.
Мы дом продали, как хотели.
Но вот прошло немного лет –
И все об этом пожалели.

III

Аллеями загадочного сада
Туда помчится время, словно конь,
Но детской головой твоя ладонь
Согреется, а ты уже и рада.

Жизнь без души, что темная громада.
Какой там в юности горел огонь!
Журчала арфа, флейта и гармонь –
Певунья замечательного лада.

Туманится слезой вид на погост.
Вот входит Юность, но она чужая.
В презренной тучности – живая злость:
Когда-то и она была такая,
Мечтой за горизонты улетаю,
Пусть много лет с тех пор уж пронеслось.

IV

Пусть много лет с тех пор уж пронеслось,
Сбивая в радугу речной хрусталь.
Ноздрями пожирая близь и даль,
Стремнину вброд осилил старый лось.

Увидеть много горя довелось,
И прибывало к берегу печаль.
Вдруг становилось ценного не жаль,
Так он терял все то, что собралось.
Уж вся трава была на вкус – полынь.
То солнца мало, то желанна тень.
В глазах давно была немая стынь.
На пастбище тащиться просто лень.
Он говорил: «Прошел, и ладно, день!»
Но надо жить, воистину, аминь!

V

Но надо жить, воистину, аминь!
А если поезд жизни – под откос?
Но так порою стужа и мороз
Вливают сладость в зимний сок рябин.

Ведь обещает взгляд небес теплень,
Хоть из-за тучек он весьма раскос,
И вот придет однажды на запрос
Поэзия – богиня из богинь.

Так не сбивайся с ритма, сердце. Нет!
На свете все устроено так мудро.
В последний миг схватись за парашют.
Уходят страхи все порой под утро.
Сияет солнца золотая люстра,
Весны цветок – адонис. Горицвет!

VI

Весны цветок – адонис. Горицвет!
Да, он зимою так бывает нужен.
Неприхотливый, он обезоружит
Тебя своим явленьем тет-а-тет.

Пусть будет туз, пусть дама, пусть валет,
Забуду слез своих ненужных лужи,
Забуду жар-пожар, забуду стужи,
Добуду себе счастье на сто лет.

Снежок с утра асфальт припорошил.
Я жму и жму педаль сцепленья мук.
Уже горят подошвы моих шин,
Разматывая горький жгут разлук.
А за сердечный сбой и перестук
Дай, первоцвет поставлю-ка в кувшин.

VII

Дай, первоцвет поставлю-ка в кувшин.
А как еще твой образ сохранить?
Не расплескать его, не обронить,
Не потерять средь памяти лощин?

Да, случай – это, право, господин.
Одной пчеле известно, может быть,
Сколь надобно цветов разворошить,
Чтобы наполнить золото воцин.

Заплакала она, запричитала:
«О, люди добрые, мои соседи!»,
Те отвечали: «Банда побывала,
Все в черных масках были, словно черти».

Застила окна Марья целлофаном,
Нашла плиту себе, печь починила,
Ходила, будто бы в угаре пьяном,
Но спохватилась – детям позвонила.

II

И только день сорокой закартавил,
Приехал сын Володя – окна вставил,
Другие дети привезли немало,
Дарили – и у них не убывало.

И снова стало весело в избушке,
На новом столике и самовар, и кружки,
Пусть это было ново, незнакомо,
Но это был свой мир и запах дома.

Она слез благодарных не скрывала,
Брала-брала, впервые не давала,
«Спасибо!», – в сенках каждому шепнула
И... каждому от сердца отщипнула.

Никто упрека матери не бросил
И мачехой никто не обозвал.
И снова домик засмотрелся в осень,
Гостей родимых из Кургана ждал.

Я, уезжая, помолюсь
На путь, на дальнюю дорогу,
А невредимая вернусь –
И слава Богу, слава Богу!
Я, уезжая, помолюсь,
За всех, кого я оставляю,
Перед иконой становлюсь –
И всех-всех-всех благословляю.

Но, наконец, они устали все же
И порешили – будем убивать,
И только прошептал солдат: – О, Боже! –
Над ним склонилась Пресвятая Мать.

И где-то в сон ворвался импульс страха,
Там сын приснился матери во сне,
Мать русская просила у Аллаха:
– Прости, Аллах, верни сыночка мне!
И мягче воска стал кинжал из стали,
Те семеро потупили свой взор,
Рожденные горами – камнем стали,
Так и стоят камнями до сих пор.

Где семь камней торчат из-под земли
В высокогорном крошечном ауле,
Горянки пленного в горах нашли
И сына матери в Курган вернули.

Житейская история

*Мы за тебя ходили в бой,
Ты стала мачехой чужой.
По памяти*

I
Неделю с лишним Марья проболела
В райцентре в общей, нищенской палате,
Домой приехала и обомлела –
Как будто бы Мамай прошел по хате.

Как домик уцелел, не растащили?
Хотя стоял уже без рам и стекол,
Плиту украли, печь разворотили,
Обшарили чердак и даже подпол.

Был кур с десятков – и того не стало,
Картошку выкопали, лук как сбрили,
Дай столько же – еще и было б мало,
В милиции руками разводили.

Ведет мелодию мотор-кларнет.
Хрупка она, сознания благосфера.
Включен уж ближний, даже дальний свет,
Но это только просто полумера.
Реальностью печального примера
Ты головой похож на жар-букет.

VIII

Ты головой похож на жар-букет,
Коль говоришь: «Живи в гармонии».
Но мир порой в своей агонии
Зовет того, кого в помине нет.

На Памяти невидимый берет,
А Муза ждет в «Стране Лимонии».
Ей протяну свои ладони я,
Она ко мне потянется в ответ.

Жизнь тяжела, порой жестока,
Но это все обыденное дело,
Не новость принесла сорока,
И я надеждой жить хотела –
Хоть все давным-давно уж «жданки» съела,
Но все же, смерть, не жди до срока.

IX

Но все же, смерть, не жди до срока.
Не нагляделась я еще пока.
Еще бежит, течет моя река
По воле мудрого Пророка.
Зимы осталось на полскока,
Весна дождем отпляшет гопака,
Прогонит Лето с чудо-гамака
Шалунья-Осень, Ведь она же – дока!

Осенним золотом плачу, –
Когда она придет, - мешками
И благодетелю, и палачу,
А сердце бедное не камень,
Благодарит меня стихами.
Я так пожить еще хочу!

X

Я так пожить еще хочу!
Лег иней кружевом ажурным,
Восторги фразой не дежурной
Я в восхищении шепчу.

Склонюсь ли к чистому ручью,
Смотрю ль кинороман я бурный,
Завидуя стреле амурной,
Я жизнь, захлебываясь, пью.

Хватает за грудки тревога –
Подол мне рвет упрямый ветер.
Еще пылит моя дорога.
Довольно всякого на свете.
Склоняю голову в привет –
Ведь жизнь – завидная морока!

XI

Ведь жизнь – завидная морока!
Ее измерить не дано,
Не обнажив срамное дно
Отводом мутного потока,

А также степень порока,
И оценить не суждено.
Бесспорно мнение одно:
В нее вмещается так много.

Ладонью заслонив свечу,
К Земле любимой по касательной
Я вверх тормашками лечу.
Но зрю пылливо, обстоятельно,
А умирать необязательно,
Я еще Землю потопчу!

XII

Я еще Землю потопчу!
Вдыхая аромат Насущного,
Скопив и ценного, и лучшего,
Всё муравьем к себе тащу.

Девочка из детства

Сижу однажды, бабин складень* ем,
Питаю организм свой ненасытный,
Для виду поворчав: «Пирог ни с чем!»
А бабушка поправит: «Нет, с молитвой!»

С черемухой, калиной пироги,
Кулага, жмых и сладкие парёнки...
Прощая недоимки и долги,
Теперь я той завидую девчонке.

Завидую по-светлому, легко,
Ведь слаще сникерсов и всякой колы
Запомнилось парное молоко
От нашей от буренушки комолой.

Когда трава была, порой, полынна,
(Случалось и такое по весне),
То молоко горчило, словно хина,
Оно тогда мне снилось в каждом сне.

Вновь память в детство утицей снует,
Вновь вспоминаю тот обед иль ужин.
Та девочка во мне еще живет
И с внучками моими даже дружит.

* Складень – пирог без начинки

Баллада о сыне

Легенды получают из были...
Куда смотрел и Бог наш, и Аллах?
Семь выродков урус-солдата били,
Плескалась люто ненависть в глазах.

Глумились изощрённо и жестоко.
А что вменялось воину в вину?
Какая мать когда просила Бога,
Чтоб ее сына взяли на войну?

Все меньше песен, меньше тем,
И тоньше, тише ручеек.
Все! К черту эту маяту,
Всерьез я маятник качну,
Ей Богу! Завтра поутру
Я наконец-то жить начну.

Р. С. О! Эти мысли, как елей,
А скоро, впрочем – юбилей!

Не перечислить деревень

*Нет деревни Ефимовки,
Муравейника, Калиновки...*

Здесь строим наступают ивы,
И вот уже, который год –
Там, в море дикое крапивы
Плывет заброшенный заплот.

Где нынче травы по колени,
Там раньше бычился зарод,
Но мрут российские деревни –
И расползается народ.

Ах! Как все было тут намедни!
Как веселились зеленыя..
И улетают прочь деревни,
Стрекозым крылышком звеня.

Березы стона не проронят,
Коль в Радуницу нет гостей.
Так нищего, порой, хоронят
Без имени и почестей.

И вновь стихи на эту тему,
Как некрологи я пишу.
Я многое в Руси приемлю,
Но вот такого – не прощу!

Отнимут – что же, не взыщу.
У времени стрелу несущего,
Беспечность дерево трясущего –
Коль что упало, отыщу.

Жизнь описать не поручу.
Пусть водит строки моя совесть,
И по заслугам получу,
Когда она закончит повесть.
А я, на время успокоюсь,
Тогда, быть может, замолчу.

XIII

Тогда, быть может, замолчу,
Когда душою огрубею.
Пройду по утреннему свею
И безголосо прокричу.

И брошусь к ветру-толмачу,
А он: «Понятья не имею», –
И пусть душой я оробею,
Но все колодки истопчу.

Не обещайте, ради Бога,
И я надеяться не стану.
Ценой огромного залога
Стократ из пепла я восстану,
Смирясь, молясь, душой воспряну
У незнакомого порога.

XIV

У незнакомого порога
Нетрудно будет очутиться.
Из клетки выпущена птица,
Уж мчится в сторону Востока,

К струям волшебного истока,
Где будет петь и... горевать,
С любовью клетку вспоминать,
Томясь величием чертога.

Тут тебе нега, тут прохлада,
Не надо есть, не надо пить,
Здесь сладкозвучия – услада,
Да уж чего греха таить,
Мне б на Земле еще пожить,
Не трогайте меня, не надо.

XV

Не трогайте меня, не надо.
В ответ мне на незаданный вопрос
Аллеями загадочного сада –
Пусть много лет с тех пор уж пронеслось,

Но надо жить, воистину, аминь!
Весны цветок – адонис. Горицвет,
Дай, первоцвет поставлю-ка в кувшин.
Ты головой похож на жар-букет,

Но все же, смерть, не жди до срока.
Я так пожить еще хочу!
Ведь жизнь – завидная морока,
Я еще Землю потопчу!
Тогда, быть может, замолчу,
У незнакомого порога.

Я МЫСЛЯМИ ПОСТИГНУ ЭТОТ МИР

Когда ко мне придет «косая»
Спрошу у Смерти я без зла:
«Зачем ко мне ты вдруг пришла?
По высоте ты ровень с Жизнью,
Всем управляешь, даже мыслью,
У ног твоих и храмы, и дворцы,
Микробы малые, великие творцы.
Зачем тебе больная я, калека?
Ужель достойней нету человека?»

И, может быть, ответит Смерть:
«А тут и нечего смотреть!
Древней меня на свете лишь Земля,
А Жизнь потом. Была сначала я.
Ты не тушуйся и не вешай головы,
Вы для меня, по сути, все равны.
А Жизнь я не гублю, а охраняю,
Я по себе всех ласково ровняю,
И каждому даю единый шанс,
Не нарушая жизненный баланс.

И грань меж нами я смертельно чую –
Пока есть Жизнь – была и существую!

Ну, что ж, пошли, открыта дверь в переднюю,
Не первую веду и не последнюю.
Вперед! Со мной все честно, без обмана.
Впервые налегке, без чемодана?»

Опять нечаянным лучом
Сломалась льдистая печать.
Откладывая на потом
Все собираюсь жизнь начать.

Все собираюсь, между тем
Конец уж вот он, недалек,

Мое нечаянное счастье,
Уже сколько лет, как вместе мы,
Дай мне сомненья и напасти –
Не отдавай во власть зимы.
Мои тревоги не напрасны,
Меня поймешь лишь ты один –
Поверить трудно и ужасно
В покой замерзших георгин.

Разговор

Не закурил, а сигарету мял
С какою-то ненужною бравадой.
Он правду говорил, а сам мечтал,
Чтоб это оказалось вдруг неправдой.

Он говорил, что просто разлюбил,
И что с другой давно уже неверен.
Правдиво, убежденно говорил,
Но сам себе все меньше, меньше верил.

Он говорил, и рос холодный страх,
Уверенность по капле убывала,
И самоцветы превращались в прах,
И правда их обоих убывала.

Мелькают кадры памяти. Щелчок!
И вспомнил вдруг седеющий мужчина
Торшера круг и детский кулачок,
И то, как предал он родного сына.

Не закружится счастьем голова
И пройденная вспомнится дорога,
И скажет он: «Пословица права,
Что первая жена – всегда от Бога».

О ЧУВСТВАХ СВОИХ РАССКАЖУ

*В чаду ль сгорающего лета,
Иль в суматохе будних дней
Мы с Вами разминулись где-то
В прошедшей юности моей.*

Смешанным бракам

Ты в кольчуге дежурной,
Словно в кофте ажурной,
А я кутаюсь в бурнус,
Я – татарка, ты – урус.
Светят звезды, не мигая,
Всем влюбленным помогая,
Мы в обнимочку шагаем
И с тобою нарушаем
Все законы и запреты,
Чтобы в дальней дали где-то
В двадцать там...каком-то веке
У влюбленных на скамейке
Жаром русичего тела
Кровь татарская вскипела.
Станет правнук непременно
Гражданином всей Вселенной!
Мы идем в часы рассвета
И преград нам вечных нету,
Ведь зарей горит вдали
Эра Нации Любви.

Две горлинки нежно в лесу ворковали,
Расплелся зари поясок...
Ты помнишь, как счастье с тобой воровали,
Как полнился наш туесок?
Малинка к малинке,
Чтоб стали богаче
И чувством, и счастьем...
А как же иначе,
А как же иначе?

Я кудри твои шаловливо трепала,
В ту ночь не хотелось нам спать,
И если другая от счастья устала –
Грех было его не украсть!
Пусть совесть зовет – я не выйду к барьеру,
Любви нашей я не судья,
Что было, то было, любому примеру
Найду оправдание я.
Не стыдно.
Все вижу в ином теперь свете,
И коль повторится – за счастье сочту.
У вас на мечту не похожие дети,
А я не родила мечту.

Златоустовская осень

Весна сушить на ветерке
Туман повесила.
Стрела Амура в тетиве –
Мне жутко весело.

Кричат в распадках поезда,
Луна наохрилась,
А на скворечнике звезда
Сидит, нахохлилась.

Бежит трамвай на поводке
По сонной улице,
А мы с тобой, рука в руке,
Идем, целуемся.

Кружилась мамы голова,
Балкон «тарелкой» вис,
Ведь мы с тобою часа два
Как познакомились!

Умчалось время в никуда,
Седым стал лунный диск,
И со скворечника звезда
Давно скатилась вниз.

И была тому я рада.
Поезд выгнулся дугой:
– До свиданья...нет, прощайте,
Мой любимый, дорогой.

Горсад

Тот горсад я помню и поныне,
Романтичный юрюзанский сад,
В зарослях крапивы и полыни
Лютики на цыпочках стоят.
Там сирени над обрывом стили,
Был один другого краше куст.
Непростительно мы пропустили
Ревности мучительный укус.
Ветер наплясался до упада,
Я в одну из наших горьких встреч
В этом уголочке скромном сада
Слушала запальчивую речь.
Помню, как тогда переглянулись
Гневным взглядом из-под шторок-век,
Жаль, что так бездумно разминулись
С Вами, дорогой мой человек!

И до утра свисали звезды,
Как гроздь вечной мерзлоты.
В ту ночь мои цветы замерзли,
Мои последние цветы.
Пусть поутру в лед хризантемы
Падет горячий воск слезы –
Пыль звездная закроет темы,
Присыплет летние следы.
В саду все звуки нынче тихи,
Печаль на цыпочках идет,
Янтарь на ветках облепихи,
Как в желтых сотах, горький мед.
Еще вчера летали птицы,
Сочувствуя и гомоня,
И пусть покой все чаще снится –
Не отдавай ему меня.

Пусть память и взмахнет мечом,
Но жарко сердцу не забиться,
И разум будет не при чем,
Нет, разум даже не смутится.
Ты, как из прошлого, шагнул,
Не сжалось сердце от тревоги,
И разум глазом не моргнул,
Но...стали...ватными...вдруг...ноги...
Ты подошел и рядом сел,
Когда ж мы встретились глазами –
На зависть онемевших тел
Поцеловались рукавами.

Расставание

Говорил, но ни о чем,
Нервно поводя плечом,
Нудный дождик моросил,
Поезд все не отходил
И, задерживая нас,
Семафор кровавил глаз.
Ты стоял совсем чужой,
Сам не свой, да и не мой,
Дождь с плаща ручьем стекал,
Репродуктор все вещал,
(Вот, опять слова жует).
Когда ж поезд отойдет?
Уж прощаться мы устали,
Сумка, чемодан печали,
А кругом вокзальный смог,
В горле слез тугой комок.
Ну, когда ж дадут гудок?
Полке боль не укачать...
Я иду курить, скучать,
Провожая взглядом даль,
Прошлого мне очень жаль,
Нет, я больше не усну,
Пережив еще весну.
И, молясь опять в зарю,
Бога я благодарю,
Что жила с тобою рядом

Опять молоком обожглась я.
Над чьей же водой куковать,
Опять в ожидании счастья
На белых цветах колдовать?

Опять собирать трав коренья,
Чтоб как-то любовь присушить,
Варить приворотное зелье,
Стараться по-новому жить?

Да ну его, это знахарство,
Все знаю давно наизусть:
Сбегу в комариное царство,
В ужиную стражу наймусь.

И станут мне травы покорны,
Почетом мне грудь обовьют,
И пусть облака-ветрогоны
О бренности жизни поют!

Жизнь, я рабой тебе служила,
Дала ты трудную судьбу,
Я печь добротную сложила –
Осталось вывести трубу.
Бывало, бед валом валило,
(У бед не по одной руке)...
Готова печь, но еще стыло
Дыра зияет в потолке.

Декабрь. Седьмое. Катерина...
А за окном всю ночь...капели!
Осела снежная перина,
Как поздней весной – в апреле.
Сугробов белые горбушки,
Как сухари, размокли в луже,
Зима их мнет, как тюрю в кружке,
И ест на завтрак и на ужин.

Уж солнце яблочком на блюде
Румяно в полынье катает.
Я тоже рада обмануться,
Да вот куража не хватает!

По темноты босиком
(Роса кусала холодком),
Я шла, уздечкою звеня,
Искать гривастого коня.
И лил из лейки все быстрее
Рассвет на землю Водолей,
И спрятались мои следы
Под слоем кварцевой слюды.
Вот и ищу того коня,
Который бы довез меня
Туда, где времечко не в счет,
И речка вечности течет.

Суровое сукно пальто
Весенней сыростью пропахло,
Все было то, но и не то,
А чувство не росло, не чахло.

Весь белый свет мне был не мил,
А время быстро так бежало,
И на пределе слез и сил
Я за рукав тебя держала.

Прилипла звездочка к воде,
Твоя рука мою сжимала,
Я удивлялась пустоте,
Что сердце мне переполняла.

Когда ты мне сказал: «Пора!»,
Я наперед уже все знала –
С горой не встретится гора
На стылой площади вокзала.

Бывают дни, когда любовь устала
И прячется, не грея, не лучась...
В. Тушнова

Расстались как-то весело, не скрою,
И зашагали каждый налегке,
Я слезы постелила в изголовье,
А ты обиду с хрустом сжал в руке.
И лишь любовь растерянно стояла,
Не зная, чью же сторону принять:
Там слезы без конца и без начала,
Здесь – злость в обхват руками не объять.
Дела мы разворачиваем круто,
А гордость наша – кредо и конек.
Бредет любовь, не ожидая утро,
К кому-нибудь зайдет на огонек.

Сердце сгорало дотла:
Искры летят от костра
И со снежинкою вьюги
Кружат, как будто подруги.
Просто не верю глазам,
Иль в подражание нам –
Искры к снежинкам метели
Ввысь на погибель летели.

Театр полон, как всегда,
А здесь пустующее кресло...
Ты пробирался сквозь года –
И все минувшее воскресло.
Зачем пришел? Зачем смутил?
Зачем ушел потом к соседке?
Теперь в душе полнейший штиль,
Стерильно чисто, как в аптеке.
Каким бы ни было вчера –
Но стало нашею судьбою.
Я думала: «Теперь пора
На равных встретиться с тобою.